Из иллюминатора самолета виднелась кромка моря со льдами… Был месяц июль… Мы летели в Магадан… 8 часов полёта из Москвы – на восток и на восток, вдоль побережья Северного Ледовитого океана…

Крохотное здание аэропорта в пос. Сокол… Пять человек, нагруженные рюкзаками, тяжеленными спальными мешками на «верблюжьей шерсти», болотными сапогами и прочим снаряжением, с трудом уместились в «козле», как называют в России небольшую, но весьма проходимую машину ГАЗ, типа джипа, с рваным и выцветшим добела брезентовым верхом. Полчаса - и мы в Магадане

Зловещий город, «золотая» столица Колымского края, Дальстроя, ГУЛАГа…

Город мне сразу не понравился… Он показался мне серым, мрачным, с расползшимися по сопкам домами, казалось, с вечным туманом, со свинцовыми волнами Охотского моря - бухты Нагаево и Гертнера. Тихий Океан, однако… Когда выглядывало солнце – город менялся, становился веселее и ярче, зеленели сопки, но снова наползал дождь и туман…

Само название «Магадан» дала речка Магаданка, а она переводится с местных наречий орочей или эвенов как «гнилое, трухлявое дерево»… Хотя сейчас почему-то предпочитают название «морской песок»…

Переночевав, точнее проспав мёртвым сном светлую как день ночь, утром погрузились в потрёпанный, но впечатляюще мощный «Урал», и отправились по знаменитому Колымскому тракту… Час, второй, третий… Четвёртый…Однообразная дорога с ржавеющими кое-где по обочинам остовами застрявших зимой, в жуткую колымскую пургу и полярную ночь, когда не видно на расстоянии вытянутой руки, грузовиков

- за 15 минут застрявшая машина заносится снегом. Тогда остаётся одно – не выключая мотора, иначе замёрзнешь, ждать тягача или трактора, а любой «водила» обязательно предупредит, по возможности, что на дороге авария.

Казалось, что дорога не кончится никогда, она шла вверх и вверх в отроги Колымского нагорья, мы курили и дремали, сидя или лёжа на жёстких деревянных лавках, раскатав спальные мешки…

Дорога то почти прижималась к лысым, поросшими редкой, скрученной ветрами и морозами лиственницей, а слева был стометровый обрыв, то расширялась и блестела вода широкой, разлившейся реки, зеленела тайга,и на другом берегу поднимал голову с огромными рогами-лопатами огромный колымский лось…

То моросил дождь, и всё было серое и тусклое, то неожиданно выглядывало яркое солнце, появлялось ярко-голубое небо со стремительно несущимися тучами…

Изредка мелькали посёлки и придорожные столовые, работающие круглые сутки, построенные специально для шоферов, ибо летом, за два-три месяца надо было перебросить сотни тонн груза в посёлки, почти оторванные от всего мира, отрезанные реками, тайгой и сопками…

Кое-где виднелись деревянные, уже покосившиеся вышки, столбы с остатками ржавой колючей проволоки – то, что осталось от «зон», «лагерей», «лагпунктов» и «командировок» ГУЛАГа… Прошло-то всего двадцать пять лет, как последние заключённые покинули эти края. А многие и остались, так как им просто было некуда ехать…

Мелькнул выбитый на склоне сопки в приснопамятные времена ГУЛАГа профиль «вождя народов товарища Сталина»…

Машина остановились на берегу реки… Наш пожилой, битый жизнью и людьми шофер с многочисленными татуировками на руках, золотыми зубами, и шрамом от ножа на щеке, вышел и, куря одну за другой «беломорины», долго

всматривался в воду и соседний берег, высматривая какие-то свои, знакомые лишь ему приметы…

Чтобы доехать до места, надо было ехать по реке… Да, да, именно по реке, а река – это просто каменистое ложе, по которому струились небольшие ручейки воды… И снежники – лёд, нарастающий за почти восьмимесячную зиму, здесь, на Колымском нагорье, не успел стаивать и оставался на всё лето огромными многометровыми голубоватыми пластами… Можно было попить чистейшей и вкусной воды прямо из ручейка, журчащего из-под снежника…

…Машина, натужно ревя мотором, карабкалась вверх по валунам, переваливаясь и кренясь так, что мы боялись – вот-вот перевернётся… Мы еле удерживались в кузове, нас бросало вверх, вбок и вниз, по кузову летали сапоги и спальники, которые мы едва успевали ловить.

Неожиданно пошёл дождь, машина скользила по мокрым камням, но дождь так же неожиданно и закончился, порывы холодного ветра мгновенно разогнали тучи, и сопки снова стали зелёными, а небо – ярко-голубым.

Через час невероятной тряски шофер остановил машину… Больше пяти часов за рулем, почти без остановки… Но магаданские «водилы» в хорошую погоду умудряются «сидеть за баранкой» по двадцать часов, а то и сутками, заваривая себе «чифирь», чтобы не уснуть…

Быстро разведя костёр, мы попили чаю, шофер заварил себе чифирь в термосе, а мы немного отдохнули от тряски, хотя ноги нас, как после многодневного плавания, плохо держали на земле…

И всего-то десять километров по реке, а казалось, что прошла целая вечность…

Дня и ночи сейчас не существовало – всегда был день, всегда было светло…

Ещё два часа чудовищной тряски, и мы приехали в небольшой лагерь геологов… Деревянные домики на столбах… Палатки, дым костра… Утром нам надо было ехать

снова…

Последний отрезок пути был самым тяжёлым - машина с рёвом, на первой передаче, буквально карабкалась с валуна на валун узкого ручья…

И вот, наконец, мы увидели полуразвалившиеся бараки и дома, кучи мусора – когда-то здесь был посёлок, работали геологи на поиск золота…

В паре километров от развалин посёлка, на берегу быстрой речушки стоял крохотный домик, бывшая банька, переделанная под жильё, с печкой, крохотным окошком и деревянным настилом – «нарами»… Примерно через месяц нас должны были забрать вертолетом…

Небольшая, но довольно быстрая речка, с необыкновенно холодной, ледяной водой… Шум воды всё время сопровождал нас - и днём, и ночью.

Началась рутинная работа… Заготовка дров, костёр, дежурства по кухне… Маршруты по сопкам, шлиховое опробование – по колена в ледяной воде, с лотком, когда через десять минут уже не чувствуешь рук… Свирепые комары, кедровый стланик, то пружинящий, как матрас, то путающийся под ногами… По сопками - красными пятнами, яркие на солнце ягоды морошки, которую можно было собирать горстями, а кое-где краснел и шиповник.

С сопок в ясную погоду было видно очень далеко - воздух был необыкновенно чист и прозрачен – сопки, сопки и сопки до горизонта, со снежниками на вершинах, с зелёной тайгой по склонам, с красными и бурыми выходами пород и одиноко торчащими «жандармами» - одиночными, торчащими скалами…

А ещё можно было лечь на пружинящий стланик и, жуя его горьковатые иголки, смотреть в небо, пронзительно-голубое колымское небо с бегущими облаками…

…Любопытные рыжеватые евражки - таёжные суслики, пугливо попискивая и блестя чёрными любопытными глазками, выглядывали из-под корней и камней… Но через

несколько дней, привыкнув, они привычными столбиками стояли у своих убежищ, то прячась, то подбегая к нашему костру и «кухне» - самодельному столу, сколоченному из толстых стволов лиственницы, а самые смелые брали кусочки прямо из наших рук.

Но, несмотря на их забавность, всю крупу и макароны пришлось подвешивать в мешках повыше, чтобы не добрались ни они, ни вездесущие мыши.

По прибрежным кустам, перекликаясь, порхало множество птиц, посвистывали пеночки, «чекала» вспугнутая каменка, в листве краснели грудки мухоловок, где-то стучал дятел. Стоило пойти вверх по сопке, как раздавалось хриплое «крей-крей» кедровки, и тут же трещала неугомонная сойка – мол, кто-то в тайге есть….

Прямо над головами тяжёлым порхающим полётом, с громким криком «кжээ…кжээ», пролетала кукша, растопырив рыжеватый хвост.

Иногда удавалось подстрелить рябчика на обед, а то и тетерева, отлично ловилась рыба – хариус и голец.

Но однажды пошёл дождь… Он моросил с неделю, то почти прекращаясь, то начинаясь снова…

Облака, лежащие на сопках, мокрая тайга на склонах, всё стало серым и мрачным, казалось, что воздух так пропитан влагой, что его можно было выжимать.

Все обычные ориентиры: и отдельные скалы «жандармы», и вершины сопок с лежащими «снежниками», отдельные корявые, торчащие на склонах лиственницы – исчезли. Даже звонкий, обычный шум речушки и многочисленных ручейков маскировался тяжёлым мокрым туманом, и привычных шумовых ориентиров также не было слышно.

В избушке, несмотря на жарко натопленную печурку, было сыро, от пола тянуло влажным холодом, с потолка в подставленные консервные банки звонко брякала капель…

Когда не было дождя и тумана, можно было видеть, как

солнце лишь скатывалось к горизонту, а потом долго висело над чернеющей тайгой угрюмым жёлто-красным шаром, окрашивая небо в сюрреалистические красновато-чёрные тона. А сейчас - ни солнца, ни неба, только клубящийся туман и только неумолчный шум дождя.

Дождь кончился, ночи стали темнее, похолодало… Днём обычно было яркое солнце… Был уже конец августа, и скоро нас должны были забирать…

Однажды утром мы проснулись от странной, необычной тишины… Даже шум реки стал тише… Выйдя из избушки, мы были ослеплены белизной… Выпал снег… Всё было ярко-белым, до боли в глазах, на лапах елей и кустах кедрового стланика лежали снежные «подушки», а прямо над головой висел свинцово-серая, почти чёрная туча, а из неё бесшумно падали огромные, с ладонь, хлопья снега…

Но через несколько часов пронзительно холодный ветер прогнал тучу, выглянуло ярчайшее солнце, и снег быстро стаял… Опять загомонили птицы…

По рации сообщили, что вертолёта не будет, и нам оставалось лишь ждать машину. А при самом скромном раскладе, продуктов оставалось на два-три дня. Пара банок «тушенки», макароны, разваривающиеся в тесто, и немного вяленой рыбы…

Утром нас разбудил треск кустарника…

…Медведь был совсем молодой, ни разу не видевший человека, ему было и страшно от незнакомого запаха, запаха дыма и железа, но очень любопытно… Он приближался, поминутно останавливаясь и нюхая воздух, иногда приседая и махая передним лапами, как бы приглашая поиграть… Вероятно, он принял нас, лохматых и бородатых, за своих сородичей. Но вот нам, нам-то было не до шуток и игр…

Стук ножом о котелок и громкие крики, обычно пугающие зверя, не дали должно эффекта… Медведь остановился и опять стал принюхиваться, периодически высовывая длинный розовый язык.

Два выстрела из ракетницы… Зверь присел, с рёвом отскочил в сторону и побежал к кустам, оглядываясь и испуганно ворча… Но вдруг остановился… Патрон с самой мелкой, «птичьей» дробью - выстрел медведю в зад… Тот присел от неожиданности, дико заорал с перепугу и опрометью пустился наутёк…

Через три дня мы уже доедали последнюю рыбу, а под вечер услышали знакомый рёв мотора… Пока шофёр несколько часов спал мёртвым сном, не выходя из кабины, мы собирались, грузили снаряжение и мешки с образцами…

Три часа чудовищной тряски, и снова знакомый лагерь геологов, уже наполовину опустевший…

Колымская трасса, мелькающие сопки с уже жёлтой лиственницей, моросящий дождь… И вот снова Магадан, серый и скучный, мрачный и угрюмый…

Это было 30 лет назад…